

**ОТЗЫВ официального оппонента В. В. Калугина
о диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук А. И. Поповича
«Мученичество в памятниках публицистики России
на пороге Нового времени» по специальности
5.9.1. Русская литература и литературы народов
Российской Федерации**

Диссертация охватывает широкий круг актуальных вопросов и проблем, связанных с идеями мученичества в публицистике Московской Руси XVI–XVII вв. и петровского времени. Некоторые из этих вопросов получили освещение в историко-филологической науке прошлого, другие поднимаются впервые. Впервые же данная научная проблема получает всестороннее освещение на материале многочисленных источников, рукописных и старопечатных, памятников литературы и деловой письменности. Диссертация расширяет сложившиеся представления о русской публицистике XVI–начала XVIII в., истории некоторых литературных произведений и русской литературе того времени.

Диссертацию отличают продуманная строгая и четкая структура, логичность в отборе и анализе материала, высокая степень обоснованности научных положений и выводов. Описание фактов и источников сопровождается тщательным историко-литературным анализом и теоретическими обобщениями. В теоретическом отношении исследование способствует более глубокому пониманию литературных процессов в XVI в. и в переходный период от средневековой литературы к литературе Нового времени (XVII в. и Петровская эпоха). Актуальность и принципиальная научная новизна диссертации очевидны.

Встречаются некоторые недоработки и спорные места, но они не влияют на общую положительную оценку работы, выполненной в целом на высоком научном уровне. Ограничусь некоторыми примерами, наиболее показательными.

В предисловии к переводам из Симеона Метафраста (ок. 1579 г.) князь Андрей Курбский убеждал православных читателей не верить «еретиче(с)кимъ брѣдня(м): или [далее по конъектуре П. В. Владимирова: *венским*, затем исправлено на *аренским*; по нашему мнению: *афе(н)ски(м)*] и спы(н)ски(м) замышление(м)», то есть ‘выдумкам’. (Толкование значения вынуждены опустить, так как оно займет немало времени.) Как бы то ни было, в *афе(н)ски(м)* или *аре(н)ски(м)* первая буква написана размашисто, с большой петлей и длинным хвостом, которые уходят далеко вниз под строку. Сверху стоит спиритус. Она похожа на греческую минускульную альфу. При некоторой фантазии и неважном знании палеографии ее можно принять за букву *х* с левой петлей. Так ее и прочитал публикатор. Вышло нечто совсем ругательное: *хренским*. Но ведь спиритус прямо указывает на то, что первая буква не согласной, а гласной.

Прилагательное *спы(н)ски(м)* можно сопоставить с латинским словом *spina*. Среди его значений есть и такие: в единственном числе ‘колючка’ и во множественном (*spinae*) – ‘хитросплетения’. Последнее хорошо подходит к контексту: ‘хитросплетённым выдумкам’. В восточнославянских полууставах и скорописи буква *в* часто писалась как современная печатная «п», но только с поперечной чертой внизу. Публикатор, не вчитавшись, дорисовал мысленно нижнюю черту, а следующую *ы* заменил по догадке на *и*. Так из ясно написанного *спы(н)ски(м)* получилось *свинским*.

Выясняется, однако, что ошибся не А. И. Попович. Он процитировал Курбского по публикации А. А. Цехановича в «Библиотеке литературы Древней Руси» (СПб., 2001. Т. 11. С. 586). Именно там впервые появился невероятный ляпсус «хренским и свинским замышлением». В диссертации повторены все без исключения ошибки публикации А. А. Цехановича, в том числе и мелкие, но дана ссылка не на «Библиотеку литературы Древней Руси» (ее нет даже в библиографии), а на саму рукопись из собрания ГИМ (см. с. 51). Это некорректно и создает путаницу, в которой приходится разбираться читателю. Ошибку можно было бы избежать, если бы диссертант знал ценную статью П. В. Владимирова, который первым издал предисловие Курбского (Новые данные

для изучения литературной деятельности князя Андрея Курбского // Труды девятого Археологического съезда в Вильне 1893 г. М., 1897. Т. 2. С. 308–316). Но ее также нет в библиографии.

В диссертации очень мало внимания уделено Библии, толкованиям на библейские книги, патристике и литературе первых веков христианства, когда вопрос о мученичестве стоял особенно остро. Именно этот общеправославный комплекс переводных памятников сформировал древнерусскую идею мученичества и повлиял на нее во всех ее проявлениях. Ограничусь всего лишь одним примером. В работе только эпизодически упоминается имя раннехристианского писателя епископа Ипполита Римского (см., например, с 226). Между тем благодаря его авторитету и популярности представления древнерусской литературы о четырех древних царствах, антихристе и кончине мира буквально пропитаны духом его экзегезы. Сочинения Ипполита Римского бытовали в рукописной традиции еще в Новое время и явились основными источниками старообрядческого учения об антихристе.

В 90-х гг. XV в. появился необычный список Толковых Пророчеств, принадлежавший одно время дворянской семье Воейковых [Арх.Д-63]. Изначально в древнеболгарском переводе отсутствовали толкования на Книгу пророка Даниила. Русский книжник, не удовлетворенный этим, составил компилятивные комментарии на Книгу пророка Даниила и широко использовал Толкования Ипполита Римского. Компиляция посвящена выяснению вопросов об антихристе и четырех древних царствах, сопротивлении нечестивому царю и мученичестве за веру.

Учитывая текстологическую связь севернорусского по языку воейковского списка с кодексами Толковых Пророчеств из скриптория архиепископа Геннадия Новгородского, можно предположить с большой долей вероятности, что и компилятивный комментарий на Книгу пророка Даниила составили там же, в Новгороде, в конце 80–90-х гг. XV в. В первой четверти XVIII в. воейковский кодекс Толковых Пророчеств разыскал писец-старообрядец и сделал его копию, скорее всего, в районе Архангельска и Холмогор. Внимание старообрядцев не

могли не привлечь вдохновенные призывы Ипполита Римского к борьбе с антихристом и подвигу мученичества, обращенные к ранним христианам. Такие толкования имели особый успех в среде радикально настроенной старообрядческой оппозиции (федосеевцев и др.), предпочитавшей мученическую смерть измене старой вере.

В диссертации рассмотрены отдельные эпизоды из истории русской публицистики XVI в. (главным образом сочинения Ивана Грозного и Андрея Курбского). Слегка затронуты взгляды Иосифа Волоцкого на мученичество. Между тем они заслуживают большего внимания. В «Просветителе» Иосифа Волоцкого, мысль о неповиновении нечестивому государю даже перед страхом смертной казни и призыв к мученичеству обоснованы ссылкой на библейскую историю о трех вавилонских отроках и царе Навуходоносоре, описанную в Книге пророка Даниила. Точнее, все это рассуждение появилось впервые не в «Просветителе», как это можно понять из диссертации (ср. с. 103, 122), а в анонимном Послании иноку-иконописцу с тремя Словами об иконопочитании (во втором Слове). И только позднее они были включены в «Просветитель» Иосифа Волоцкого (слова 5–7). На этом основании его предположительно и считают их автором (см.: Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV–начала XVI века. М.; Л., 1955. С. 211, 321–322, 346).

Идеи мученичества и сопротивления нечестивому царю обсуждались на рубеже веков в кругах Иосифа Волоцкого и его епархиального архиерея Геннадия Новгородского, кстати сказать находившегося в очень непростых отношениях с Иваном III. Иосиф Волоцкий специально интересовался Толковыми Пророчествами и сочинениями Ипполита Римского. Еще в конце XV в. он заказал копию Толковых Пророчеств для монастырской библиотеки и сам переписал «Слово о скончании мира и о антихристе», автором которого несправедливо считался св. Ипполит. В диссертации осталась незамеченной важная публицистическая интерпретация Иосифа Волоцкого. Ссылаясь на Ипполита Римского, он объявил в «Послании епископу Нифонту Суздальскому», что борцы за души

христиан в битве с еретиками-«жидовствующими», предтечами антихриста, «болши прьвых мученик и славнейши имать быти».

Не убеждает предложенное объяснение заметки Петра I в записной книжке: «Чтобъ написать книгу о ханжахъ и изъявить блаженства (кротость Давидову и прочее)... и приплестъ къ Требникамъ, а въ предисловии явить то дѣльцомъ Ростовскаго съ товарищи». Скорее всего, это поддельное антистарообрядческое «Соборное деяние 1157 г.». В предисловии к нему (как того и хотел Петр I) открытие этого источника связано с именем митрополита Ростовского – св. Димитрия. Ничего подобного больше нет в предисловиях к изданиям петровского времени. Иное мнение на этот счет диссертанта – всего лишь гипотеза, не подкреплённая фактами (см. с. 266–267).

Приказ «...изъявить блаженства (кротость Давидову и прочее)... и приплестъ къ Требникамъ...» вылился в создание подложного «Требника 1329 г. митрополита Феоноста», составленного на основе московского издания Требника 1689 г. Выполняя царский замысел, к подделке именно приплели антистарообрядческие дополнительные статьи и вдобавок сделали у самого корешка соответствующую помету «[О] кротости, глава 125» (как своеобразным «отчет» об исполненном распоряжении монарха). Эти дополнительные статьи задумывались как единая подборка. Позднее они полностью вошли в приложение к первому изданию «Соборного деяния» 1718 г.

Обе подделки предшествуют книге Феофана Прокоповича «Христовы о блаженствах проповеди толкование», впервые изданной в 1722 г. В соответствии с замыслом Петра I «Соборное деяние» представлено в предисловии как «дѣльце Ростовскаго съ товарищи», среди которых был один из главных участников фальсификации Питирим. Замечательна особая стилистическая окраска в записи Петра I: не *дело*, а *дельце*. Так снисходительно можно сказать о подделке, но не о серьезном богословском труде, каким является сочинение Феофана Прокоповича. Важно, что два его первых издания были вообще без предисловия (см. с. 265).

Пометы о «Книге о ханжах» и о непротивлении мучеников в светских делах, сделанные Петром I в записной книжке, исследователи объединяют в одно искусственно. Они находятся на разных листах. Более того, между ними оставлено несколько чистых листов для других записей. Содержание и характер антистарообрядческих подделок совпадает большей частью с первоначальным наброском идеи в записной книжке Петра I. Реализация замысла потребовала не один год и шла в разных направлениях. Первоначальный план изменялся и дорабатывался, включил в себя комплекс мер. Если причислять к ним и книгу Феофана Прокоповича, то ее можно рассматривать лишь только как позднейший результат петровского предназначения.

Несмотря на некоторые недоработки и спорные места, диссертация А. И. Поповича расширяет наши представления о русской публицистике XVI–начала XVIII в. Впервые на богатом фактическом материале удалось проследить феномен мученичества во всем многообразии его литературных проявлений. Научная ценность исследования заключается также в том, что оно содержит серьезный историко-культурный комментарий и позволяет глубже понять развитие идей мученичества и необходимости страданий в русской литературе Нового времени (в творчестве Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и др.).

Основные положения и результаты работы изложены в 17 публикациях общим 12 объемом 16,4 п. л., из которых 9 статей (общий объем 10,8 п. л.) опубликованы в рецензируемых научных журналах, определенных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ, в том числе 8 статей в изданиях, входящих в международные базы данных Web of Science и Scopus. В числе публикаций, отражающих выводы исследования, также находятся главы коллективной монографии «“Культура духа” vs “Культура разума”: интеллектуалы и власть в Британии и России в XVII–XVIII веках» (М., 2022).

Диссертация А. И. Поповича подводит итог изучению важной научной проблемы. На повестку дня выходят новые задачи. Необходимо продолжить исследование и обратиться к новым источникам, прежде всего к памятникам

оригинальной и переводной агиографии, к составу житийных сборников и Четых Миней.

Впрочем, все это задачи будущего, а сейчас следует отметить, что представленная работа соответствует основным требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней» УрФУ. А. И. Попович заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Калугин Василий Васильевич,

доктор филологических наук, профессор,

ведущий научный сотрудник

Отдела лингвистического источниковедения

и истории русского литературного языка

Федерального государственного бюджетного учреждения науки

Института русского языка им. В. В. Виноградова

Российской академии наук,

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2, т. 8-495-695-26-60,

ruslang@ruslang. mail.ru

22. 05. 2025 г.

ВК

